



Р
НЗЧ

Владимир Науменков

«Подводники с морями на плечах...»

Стихотворения
Поэмы

Центральная городская библиотека
г. Вилючинск
2005

БАЛЛАДА О ДЕВОЧКАХ

"Мы поднялись до Луны и одновременно все
глубже и глубже опускаемся в грязь на Земле"
Марк Стивене.

Шла девочка в военном городке,
шла босиком, ловила синь и солнце.
Плескалось тихо море вдалеке.
Из тишины зеленый мир был соткан.
Шла девочка, как будто балерина,
легко парили плечики и руки.
И было мило, было очень мирно
на краешке земли исконно русской.
Шла девочка, остерегаясь камешков,
выбрасывая плечики вперед.
Был городок с девчонкой этой сказочной,
который охранял отец ее.
Он был, наверно, командир иль боцман,
дежурство нес на вспененных широтах,
где, проплывая у стального борта,
остерегались лодок кашалоты...
...И вот девчонка, но совсем другая,
застывшая на фото навсегда...
...А хижины вьетнамцев догорали,
почти у горизонта над горами
блестела самолетная слюда.
Далекие, крутые берега!
Рокочет море и грохочут взрывы.
Вокруг девчонки все ушли из жизни –
и некому ее оберегать.
Шла девочка... руины чуть дымились.
Лицо ее от пепла стало темным.
Она тянула руки обреченно
к тем, кто упал сейчас на те руины.
Шла девочка... И не было людей,
брела она по пепелищу страшному...



«Меня пленили эти берега
под занавеской бледноватой дымки...». 1966 год.



В.Науменков (справа) с подводником Артемьевым.



Последние месяцы службы.
Надпись на фотографии рукой
поэта: «Позади юность,
впереди – патология».

Мне нет теперь дороги той больней,
как нет пути девчонки нашей сказочней.
Мне синь не в синь – за морем льется кровь,
течет моей России в изголовье,
но не дадут слова девчонке кров
и не найти ни хлеба ей, ни крова.
Но ты, Держава – мать убийц,
как и других, что знали прилуненье –
проклятием смертельное раненье
глядит в тебя со всех кричащих лиц.
И что мне список всяких новых Джонов,
которых поднимаешь ты чад шаром –
во мне кричит девчонка обожженная,
стоящая среди того пожара.
Кричит девчонка, замирает море,
а разворот Державы снова крут –
полеты ввысь позора не отмоют
и кровь с державных рук не отскребут.

Конец 1960-х

ЗЕРЦАЛО

(из поэмы "Русское рубище")

АВТОВСТУПЛЕНИЕ

Я – отпрыск красных басмачей,
зачаток траурных ночей,
патологических смещений,
изрытых оспою учений
о счастье черни.
Мой быт не сложен – шти да каша,
в бутылке веточка акации.
Вожди на стенах в красных рамках
и книги с опухолью рака,
Есенин с завитушкой трубкой
никак не может постареть,
и металлические руки
передо мною на столе.
Сижу один – Кощей бессмертный,
курю без фильтра сигареты,
и карандаш с пометкой "Ретушь"
стоит в зрачке того портрета,
кого недавно откопали,
кто Русь мою держал в опале,
поля усеял черепами,
чей дух еще в кремлевских спальнях
самодержавно проступает.
С портретом этим я смыкаюсь,
с людскими болями смыкаюсь,
и под холодными руками
в зрачках вскипает кровь людская,
и кровью намокают скатерть.
Манускрипты, как старцы, страницами шамкают,
и Малюта вербует разбойничью шайку.
Где зерцало, его чтоб не взял и булат
средь удущиво-темных царевых палат?

1965

БОЦМАН

Поэма

*O, сколько вам песен пропето,
валы океана!*

Э. Межелайтис

Какие там песни?! –
Воскреснут
ушедшие тени в тельняшках.
Валы, задыхаясь от пены,
накрыли тяжелые башни.
С валами они не расстались –
матросы в морях
со звездами,
и траур на скалы плескала
океанская синяя роздымь.
Какие там песни?! –
Жива
память, ее не убили.
Я вижу –
глядит жена
туда, на валы седые.
Глядит,
отрицая смерть,
глядит,
превратившись в вечность...
Кто хочет еще пропеть,
как море валами плещет?!
О, та немота минут...
В затопленном трюме,
немея,
нашли моряки уют,
нашли голубые постели.
Нашли

и, зажавши люки,

затихли в отсеках люди,
задыхались матросы
в отсеках

в океане
в двадцатом веке.

Над рубкой –
вода свинец,
под килем –
вода ураном,
Винтами последний венец
сплетает бурун океану.
Винты застывают немо,
вода пеленает им шеи,
им больше не трогать
гребни,
валов голубые шлейфы...

Какие там песни валам?!

В глубинах матросские
ленты.
пред тем, что случилось там,
бледнеют даже легенды.
Вода,

ты соленая нынче,
вода,
ты тяжелая самая.
У боцмана руки никнут.

И рук твоих, боцман, мало.
Центральный...

Штурвал руля...

У боцмана силы выжаты.
– Шестой! –

Телеграф ревет,
а звуки никто не слышит.
Какие там песни?!

Вижу
корпус из пробки и стали.

В руках твоих, боцман,
виза
на выход:
ведь все – пластами.

Мой боцман, хозяин морей,
мой боцман, седой, как пена,
а может, еще белей –
за годы морского плена.
Юнга... Потом матрос... –
Не стало другого дела.
Сколько белых полос
на гюйсах твоих слетело!
Давно износились фалы,
пройдены банки минные –
сколько подъемов флагов,
сколько подмято миляй!
Сколько валов литых
падало на канадку
до той роковой черты,
до вынужденной блокады.
Торпеды не могут лгать –
ушли голубою трассой,
пройдя охраненье врага,
накрыли крестатый
транспорт.

А лодка –
твой, боцман, дом, –
ушла в глубину
и замерла.

Над нею
эсминцев дым,
колючий тротиловый
 занавес.

Где воздух? –
Иссяк запас.

Поникли твои товарищи...
О, боцман, ты грудь занес
над смертью
в просторах Баренца.
Ты гнешь рычаги тяжелые,
метнувшись сквозь люки
к приборам.

Вот снова ударило в голову,
как будто валами море.
И снова в глазах темно,
как тяжко клинкеты
хлопают.

Хрустит на зубах стекло –
боцман срывает робу.
Что-то давит на грудь –
шага не сделать боцману.
Пульсирует в легких ртуть –
его на паэлы бросило.
Куда исчезает мысль?
Два метра...
на тело – плетьью,
и кажется, будто мыс
его отделяет от вентиля.
Над боцманом виснет стон,
а руки
плывут и падают...

Два метра!
Легенды, стой!
Дорогу ожившей памяти!

...И шум тишину
разрезал,
вода отпускала люки.
Свистела в отсеках
свежесть,
вставали
в отсеках люди.

Лоснились валы на стали,
лежало,
шатаясь, море.
А боцман, сломив усталость,
на море смотрел сурово.
Смотрел он,
и робость брала
кипящую вечно пену...
Какие там песни валам?!

Ему
отдаю –
поэму!

1964

ОБЕЛИСК СВОБОДЫ

Поэма

Заиндевелая заря
бьет в зубья сопок сталью скальпеля,
не небеса, а нас разя,
нам в спины входит, кровью скапывая.

Заря в телах, или простуда?
Отхаркаться, но мочи нет,
над нами страшно красен свет,
то наш навет и наш обет, –
простуда! Но заря откуда,
Остолбенелая земля!

Ночуем на твоих этапах,
нас на ночь закрывают кляпом,
всю ночь мелькают песьи лапы,
и между звезд мерцают лампы –
прожекторные вензеля!

Мы лучше песенку споем:
"Свободушку из нас повынули
и наши спинушки повыгнули,
и не приметишь наши убыли,
и нет боченочка от омуля..." –
глядишь – и день еще убьем!

В железо начали греметь!
Кострам – гореть,
телам – неметь,
и нам ничем не отогреть
ни золота, ни даже медь –
нам дар наручников иметь!
Они связали наши ранги.

В родную Красную Ярангу
придем мы волчьими ярами
спать за лесами, за горами,
и зори смерзнутся за нами!
...Барак. Бревенчатость морщин.

Вповалку – тысячи мужчин.

Бузят картежники, бузят.

Проигранный сегодня будет!

Потом в ночи его досудят
и острым ножичком сразят.

Проигран. Ропот... Шуба с клином.

Проигранный глазами кинул:

"Доктор, доктор, свою душу расколи,
наколи, хирург, Свободу, наколи,
разведи, хирург, ты сахар на крови,
то, что дадено народу, наколи".

"Мне-то что, мне это просто наколоть
прутья штор, погост, где бренна плоть...
Не Свобода будет – кара с камнем вровень
из колоды пала карта масти крови..."

Яранга против, мрачно злая,
и во все горло базарит –

Глас народа:

"Кто же знает?!"

Как же выглядит Свобода?!"

Впрямь тот крест, что кровью залит,
иль орел, что грудь терзает,
иль в Нью-Йорковском заливе
вопрошают прозорливо...

Или же в посмертных списках,
за нее погибших – в списках
прорастают Обелиски?!"

Кто же знает?!"

Где хранит Свободу голь?!"

Может быть Свобода – знамя,
что, как Марсовый огонь!

Глас – не знает!

А играющий на судьбах,
вновь колоду неразумную тасует,
волю зеку адресует:

"Крест – на грудь!
И крест – на спину! –

блудному христову сыну!"
Вся колода – крест Свободы!

...Наш хирург наколкой занят
на спине просителя.
Темной струйкой кровь стекает
по бокам, по синим.
Перекладины готовы...
Среди ночи брезжит
божий крест, что уготован
для землицы свежей...

Вдруг в бараке сказали: "Знает комиссар, он в лазарете..."

Да, комиссар знал. Он был свидетелем двух событий.

ПЕРВОЕ. 7 ноября 1918 года перед зданием Моссовета на месте конной статуи героя Шипки генерала Скобелева был открыт обелиск Свободы, памятник Конституции, символизирующий идеи Революции...

ВТОРОЕ. В ночь с 21 на 22 апреля 1941 года в центре Москвы на Советской площади раздался взрыв. Обелиск Свободы был уничтожен... Теперь там стоит Юрий Долгорукий...

...Похоронены для комиссара
эти годы ушедших бурь,
да и сам он, как летопись старая,
ничего не является собой.
Что ж тогда, рецидивная публика
травит рану заросшую... что ж... —
Обелиск им на грудь Зекреспублики,
чтобы опять его ставить под нож?!

Бредил он. А рукой рисовал
Обелиска трехгранный кристалл...

"...И оседала бронза и кренилась,
и генерал шатался над толпой,
хватаясь за растрепанную гриву
геройскою, негнущейся рукой...
Кого молила тяжкая фигура
уже без рук и даже без ноги?!

Но под раскаты площадного гула
подковы заползали в сапоги..."

"...В мерцании свечей,
в бряцании колодок
на темени ночей..."

Я шел с сумою годы...
И саван из плетей
мне шил святой угодник..."
"Дралися шлюхи с женами,
а пасынки с сынами, —
сдавались побежденные,

завидуя казненным,
и шли в дома казенные..."

"Был генерал, а будет царь
на першероне царственном..."

...Напластованье горьких лет,
Придавлен бронзой монумент.
Над ним — знамена виснут.
Царь Долгопалый. Моссовет.
И тишина без выстрела...

.....

И слабела рука на груди,
что сводила последние грани...
На нее очумело глядит
тыщеглазие Красной Яранги...

Присмирелый, проигранный зек
в комиссарских двоился глазницах,
и в иголки оправленный крест
с обелиском застыл на ресницах.

Из-за дальности огненных зарев
краснокрылые грани летели.
На кресте со слезой замерзая,
трепетали их белые тени.

Тени, грани и взрывы... Гроза,
снег в крутящемся смерче смертельном,
В комиссарских поблекших глазах
краснокрылые птицы взлетели.

А по снегу метался зверек,
уносящий от птиц тех добычу,
что слабеющий клювик сберег
от прожорливой хищности птичей.

Но чудес там и быть не могло –
лапки срезаны льдистою коркой,
и под хлопанье крыльев и карканье
заклевали крылатки его.

И под скрипы яранговых нар,
под тяжелые гулы таежные
незаметно затих комиссар
средь барабанного гвалта картежников.

Под крестом комиссару лежать
на земле и родной, и безродной,
зеку надо на волю бежать,
чтоб Свободу найти у народа.

А снега Колымы заметут
и сравняют с землею Ярангу,
и могилу уже не найдут,
где погибли последние грани.

Только помни, мой лагерный век,
что летят краснокрылые птицы,
и бежит тот проигранный зек
с недоколотым Обелиском.

(Для последних душевых утех
ему сделали зеки побег.)

1967, бухта Крашенинникова – залив Корфа

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В.Пустовит. Судьба поэта</i>	3
МУЗЫКА МОРЯ	
Тамнет берез	10
«Километры темных глубин...»	11
Музыка моря	13
Выбор сделан	14
Лирика моря	15
Белые ночи	16
Старый корабль	17
«Уходит штурман...»	19
Туманное	20
Золотые распадки	22
«Здравствуй, скверный край у морей...»	23
Вторая жизнь	24
Есть край земли...	25
У бухты	26
Голубые покосы	27
На походе	28
Подводники	29
Морская сказка	30
В Аваче	33
«А оно такое же, с тоскою...»	34
Письмо	35
Прощание славянки	37
«Прощайте, други. уж пора...»	38
«В ГРУДИ МОЕЙ ОСТАЛАСЬ ТОЛЬКО ГРУСТЬ...»	
Подснежник	42
«Когда пройдут туманы стаями...»	44
«Я вышел в рассветы...»	45
«Я тебя подарками не баловал...»	46
«Ну отчего бывает горячо...»	47
«Голубые глаза твои...»	48
Мне показалось, что на меня охотились	49
Безотцовщина	50
Встреча с Лермонтовым	51

«Друг, помоги. Видишь, я задыхаюсь...»	52
Сергей Есенин	53
Памяти отца	54
«Соберутся вдовушки...»	55
Она	56
«Все – потаенно, даже сердца жар...»	57
Говорят живые	58
Космические акварели	59
«Где она, столица? – Там за морем...»	61
К вопросу о Сталине и об «инженерах человеческих душ»	63
Вершина вольности	65
Мои знамена	68
Площадь революции	70
Баллада о девочках	72
Бессмертие на пулеметах	74
Клятва отцу	76
На рифах	78
Год рождения – 1937	80
Две даты	86
ПОЭМЫ	
Зерцало (из поэмы «Русское рубище»)	94
Боцман. Поэма	95
Обелиск свободы. Поэма	100
Лобное место. Поэма	105
Мавзолей Ленина. Поэма	114
Земля над океаном. Поэма	126

Науменков Владимир Иванович
«ПОДВОДНИКИ С МОРЯМИ НА ПЛЕЧАХ...»
Стихотворения. Поэмы

Составитель – В.Логинова
Компьютерный набор – Н.Шестова
Оригинал-макет, обложка – С.Кукина
Переплет – Н.Клименко

На обложке фото из Красной звезды».
В.Науменков (в центре) читает свои стихи
подводникам.

Тираж 15 экз.
Отпечатано на базе Центральной городской библиотеки.